

МАНФРЕДЪ,
ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА,

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Лорда Байрона.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. БОРОДИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАНФРЕДЪ.

ОХОТНИКЪ.

АББАТЪ СВ. МАВРЕНІЯ.

МАНУЭЛЬ, слуги Манфреда.

ГЕРМАНЪ,

ФЕЯ АЛЬБОВЪ.

АРМИАНЪ.

НЕМЕЦКА.

ПАРКЪ.

ДУХИ.

Дѣйствіе происходитъ на вершинахъ Альпахъ, частью въ замкѣ Манфреда, частью въ горахъ.

МАНФРЕДЪ,

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

СОЧЕ. ЛОРДА Байрона.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Бородин.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Готическая галлеря. Полночь.

Манфредъ (одинъ.)

Наполнить нужно лампу, но она
Все догорить, покуда я засну;
И сонъ мой — если я и сплю — не сонъ,
А длинный рядъ тяжелыхъ размышленій,
Противиться которымъ — силы нѣтъ.
Бить сердце, и глаза я закрываю
Съ тѣмъ только, чтобъ читать въ своей

душѣ.

А между тѣмъ живу я; образъ мой
Таковъ же, какъ у всѣхъ живыхъ людей;
Но грусть должна наставникомъ быть му-

дрыхъ:

Скорбь — знаніе; кто болѣе узналъ,
Сильнѣй скорбитъ объ истинѣ печальной,
Что древо знанья вмѣстѣ съ тѣмъ не есть
И древо жизни. Философскихъ истинъ,
Источниковъ чудесъ и мудрости мірской
Вкусилъ я, и въ душѣ моей есть сила
Ихъ покорить себѣ; но это мнѣ
Не помогло; добро я дѣлалъ людямъ,
Добро встрѣчалъ я даже межъ людьми,
Но это мнѣ не помогло; имѣлъ я
Своихъ враговъ и не былъ побѣжденъ,
Хоть не одинъ передо мною падалъ,
Но это мнѣ не помогло. Добро и зло,
Жизнь, сила, страсти, — все, что видѣлъ я

Въ созданіяхъ другихъ, мнѣ было то же,
Что дождь пескамъ, — съ минуты той, ко-
торой
Названья быть не можеть; не знакомъ
Я съ ужасомъ; на мнѣ лежитъ клеймо
Проклятія: — не знать естественнаго
страха,

Ни трепета желаній и надеждъ,
Ни склонности къ чемунибудь земному.
По нѣ дѣлу.

О, таинственные силы!
Вселенной безпредѣльной духи! Вы,
Кого искалъ я въ свѣтѣ и во мракѣ;
Вы жители зѳира вкругъ земли,
Которымъ верхъ утесовъ неприступныхъ
Обычная прогулка; вы, кому
Земли и водъ лучины всѣ знакомы —
Могуществомъ волшебныхъ тѣхъ пись-

мень,

Которыя мнѣ власть даютъ надъ вами
Вываю къ вамъ: явитесь ко мнѣ!

(молчаніе.)

Они нейдутъ; такъ голосомъ того,
Кто между вами главный, этимъ знакомъ,
Котораго дрожите вы, правами
Безсмертнаго — зову я васъ: явитесь!

(молчаніе.)

А, если такъ... не ускользнуть вамъ, духи
Зѳира и земли; могучей властью,
Которая сильнѣй всего того,
Чѣмъ звалъ я васъ; той самовластной си-

лой,

Которой мать — погибшая звезда,
Осколокъ отъ разрушеннаго міра,
Блудящій адъ въ небесныхъ высотахъ;
Проклятемъ на душѣ моей лежащимъ,
Той мыслию, которая во мнѣ
И вокругъ меня, — я васъ зову: явитесь!

(Въ темномъ концѣ галлерей видна звезда: она неподвижна; слышенъ поющихъ голосъ.)

первый духъ.

Смертный, слушаюсь велѣній,
Изъ заоблачныхъ селеній,
Гдѣ дыханіе почей
Съ блескомъ западныхъ лучей,
Строить мнѣ дворецъ лазурный,
Золотистый и пурпурный,
(Хоть на зло меня ты звалъ),
Лучъ звезды меня примчалъ.
Мощный зовъ услышавъ твой;
Смертный! волю мнѣ открой!

второй духъ.

Моя планъ — монархъ могучій горъ;
Онъ царь ихъ вѣковой;
На престолѣ изъ скалъ, и въ порфирѣ изъ
тучъ,
Въ діадемѣ сидитъ съяговой;
Станъ властителя горъ, обвилъ поясомъ
боръ,

И лавина въ десницѣ его;
Но задержавъ ударъ: чтобъ пустить стра-
шный шаръ

Приказавъ онъ ждетъ моего.
Движенья хладныхъ массъ илетъ
День за день, все впередъ;
Но я даю имъ быстрый ходъ,
Я сдерживаю ледъ;
Я духъ утесовъ этихъ сферъ —
И гну ихъ съ высоты
Къ подошвамъ ихъ — жерламъ пещеръ...
На что меня звалъ ты?

третій духъ.

Въ глубинѣ лазурной моря,
Гдѣ борьбы вѣтъ у воль;
Гдѣ вѣвѣдомы вихри,
Гдѣ морской змѣй живетъ;
Гдѣ сирены влетаютъ
Жемчугъ въ зеленъ власявъ, —
Какъ гулъ бури далекой,
Прокатился твой зовъ;
Въ мирномъ замкѣ коралльномъ
Слухъ встревоженъ былъ мой;
Предъ тобой я: желанья
Духу моря отрой!...

четвертый духъ.

Гдѣ землетрясеніе мирно
На огнистомъ ложѣ спитъ,
И пучина жаркой лавы,
Воздымаяся, кипитъ;
Гдѣ съ усилениемъ корни Аядовъ
Въ глубь груди земной впилсь,
А вершины ихъ съдыя
Горло въ тучи вознеслись, —
Тамъ приютъ я свой покинулъ,
Мошнымъ зовомъ увлеченъ:
Силой чаръ твоихъ я скованъ,
Мнѣ слова твои — законъ.

пятый духъ.

Я вихрей всадникъ вѣковой,
Я царь всѣхъ бурныхъ силъ;
Тамъ ураганъ, слѣдъ вѣрный мой,
Отъ молній не остылъ;
Къ тебѣ летѣть, на зовъ поспѣть,
Какъ вихрь былъ мой полетъ;
Я встрѣтилъ флотъ, онъ цѣль плыветъ,
Но въ ночь ко дну пойдетъ.

шестой духъ.

Приютъ мой — царство темноты;
За чѣмъ меня терзаешь свѣтомъ ты?

седьмой духъ.

Звезда судьбы твоей была
Моей, когда земля спала
Еще въ хаосъ; какъ она,
Была тогда свѣжа, ясна!
Въ груди небесъ, прелестный всѣхъ,
Имѣла плавный, вольный бѣгъ!
Но стала съ горестнаго дня
Блудящей массою огня,
Кометой съ странною стезей
Вселенной горемъ и грозой;
Катяся силой роковой,
Свершаетъ путь безсферный свой —
Уродомъ яркимъ въ облакахъ,
Чудовищемъ на небесахъ;
Поль пей заглохла жизнь твоя...
О червь презрѣнный, не тебя,
Я силы слушаюсь иной,
(Она твоя, чтобъ ты былъ мой);
На мигъ спустился я съ высоты
Туда, гдѣ приказаній ждетъ
Рой слабыхъ духовъ отъ тебя;
На что тебѣ, сынъ праха, — я?

всѣ семь духовъ.

Земля, ночь, море, воздухъ, вихри, горы,
Звезда твоя — велѣній ждуть твоихъ!

На духовъ ихъ хотѣлъ снѣзъ персти бро-
ситъ взоры, —
Чего же оны потребуетъ отъ нихъ?

МАИФРЕДЪ.

Забвенія.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Кого, чего, зачѣмъ?

МАИФРЕДЪ.

Того, что здѣсь, въ груди моей; прочти-
те —

Узнаете, я самъ сказать не въ силахъ.

ДУХЪ.

Мы можемъ дать тебѣ лишь то, что на-
ше:

Проси рабовъ, царствъ, власти надъ зем-
лей,

Надъ частію, надъ всею; или знака,
Который бы могъ передать тебѣ
Власть нашу надъ стихіями, одвою
Иль всѣми вдругъ, скажи — и все твоё!

МАИФРЕДЪ.

Забвенья лишь, самозабвенья! Развѣ
Не въ силахъ вы изъ соврѣнныхъ
отравъ,

Которыя такъ щедро мнѣ судите,
Тѣ выжать мнѣ, о чемъ я васъ прошу?

ДУХЪ.

Не въ нашихъ силахъ то, не въ нашемъ
знаньи,

Но умереть ты можешь...

МАИФРЕДЪ.

Дастъ ли смерть

Мнѣ то, чего хочу я?

ДУХЪ.

Мы бессмертны —

И нѣтъ для насъ забвенья; вѣчны мы —
Прошедшаго и будущаго нѣтъ намъ,
Все настоящее; доволенъ ты?

МАИФРЕДЪ.

Вы издвигаетесь; по власть, которой
Я васъ привлекъ, мнѣ въ руки васъ дала.
Рабы, не смѣйтесь надъ моимъ вельнѣемъ!
Моя душа, умъ — Прометейя пламя,
Существованія молнія, — сверкаетъ,
Горитъ, разитъ, не хуже чѣмъ и въ васъ,
И не уступить вамъ, хоть сжата прахомъ!
Отвѣтъ, не то я покажу, кто я!

ДУХЪ.

Отвѣтъ дадимъ мы тотъ же, что и дали;
Въ твоихъ словахъ наши отвѣтъ.

МАИФРЕДЪ.

Почему?

ДУХЪ.

Ты говоришь, что существомъ намъ ра-
вень;

А мы тебѣ сказали, что для насъ
То чуждо, что вы смертію зовете.

МАИФРЕДЪ.

Напрасно жъ я васъ призывалъ: нѣтъ силъ,
Или желанья нѣтъ у васъ помочь мнѣ?

ДУХЪ.

Что наше — предлагаемъ мы: скажи —
Оно твоё; пока васъ не отпустишь
Подумай и потребуй: государствъ,
Могущества и силъ, или долгихъ дней.

МАИФРЕДЪ.

Проклятые! на что мнѣ ваши дни?
И безъ того ихъ слишкомъ много. Сгивь-
те!

ДУХЪ.

Постой; здѣсь мы тебѣ хотѣли бъ услу-
жить;

Одумайся; помысли: нѣтъ ли дара
Съ какой нибудь цѣной въ твоихъ гла-
захъ?

МАИФРЕДЪ.

Нѣтъ; но еще мгновенье подождите, —
Лицемъ къ лицу я видѣть васъ хочу;
Я слышу ваши голоса, рядъ звуковъ
Плѣнительныхъ, какъ пѣсня на волнахъ,
И вижу тамъ большія звѣзды сіянье;
Но вотъ и все. Явитесь предо мной —
Одинъ или всѣ — въ обыкновенъ вашемъ ви-
дѣ.

ДУХЪ.

Нѣтъ формъ у насъ, различныхъ тѣмъ сти-
хіямъ,

Которыхъ мы владѣемъ и начала;
Самъ избери намъ видъ: и въ немъ пред-
станемъ мы.

МАИФРЕДЪ.

Что выбрать? для меча на свѣтъ формъ
Ни грубыхъ нѣтъ, ни милыхъ; но пусть
тотъ

Кто между вами главный, приметъ об-
разъ,

Какой почтетъ приличнѣйшимъ; явись!

седьмой духъ (является въ ви-
дѣ прекрасной
женщины.)

Смотри!

МАНФРЕДЪ.

О, Боже! если такъ,
И то не плодъ безумья, не насмѣшка, —
Мнѣ счастье есть еще! Схватчу тебя,
И мы опять...

(Видявше исчезаетъ)

О, разорвалось сердце!

(Манфредъ падаетъ безъ чувствъ, невидимый
голосъ поетъ.)

Когда луна дрожитъ въ волнахъ,
Свѣтящій червь въ травѣ блещитъ,
Огни блуждаютъ на гробахъ,
И надъ болотомъ паръ стоитъ;
Летаютъ звезды съ облаковъ
И слышенъ вой протяжный совь;
Листы молчатъ на деревьяхъ
И тѣнь чернеетъ на холмахъ, —
Мой духъ наляжетъ на твоёмъ
Могучимъ, тягостнымъ клеймомъ.
Хоть крепкожъ можетъ быть твой сонъ,
Твой духъ не будетъ усыпленъ;
Есть тѣни, что не пропадутъ,
Есть мысли, что не убѣгутъ,
По власти гибельной тебѣ,
Одинъ не будешь ты нигдѣ.
Ты какъ бы саваномъ увить,
Ты черной тучею покрыть,
Волшебствомъ тайнымъ окруженъ,
Въ немъ жить на вѣки осужденъ.
Не будешь видѣть ты гдѣ я,
Но будешь чувствовать меня,
Какъ то, что близко быть должно,
Хотя невидимо оно;
И въ тайномъ ужасѣ свосмъ,
Когда согласишь ты кругомъ,
Дивиться будешь самъ, что я
Не при тебѣ, какъ тѣнь твоя;
Ты долженъ будешь то скрывать,
Что духъ твой станеть убивать.
Тебя проклятемъ окропимъ
Волшебный голосъ тайныхъ силъ,
Эфирный духъ околдовалъ:
Ты въ западно его попалъ;
И вѣтеръ будеть бушевать,
Чтобъ въ часъ веселый помѣшать,
Ночного неба тишина
Не дастъ ни грѣзъ тебѣ, ни сна;
А съ солнцемъ такъ сдружился ты,
Что будешь жаждать темноты.
Изъ живыхъ слезъ твоихъ извлекъ
Твой врагъ убійственный свой сокъ;
Въ твоёмъ же серпѣ черномъ взить
И черной крови страшный ядъ;

Съ улыбки сорвана твоей
Змѣя, гнѣздившаяся въ ней,
И губъ твоихъ безцѣнный даръ,
Есть язва всѣхъ могучихъ чаръ;
Такъ, доказалъ мнѣ опытъ мой,
Что ядовъ всѣхъ сильнѣе твоей!
Альбомъ сердца, бездной злыхъ страстей,
Улыбою, достойной змѣй,
Искусствомъ тѣмъ, съ какимъ другимъ
Казался съ сердцемъ ты людскимъ,
Притворной изживостью очей,
Коварствомъ злой души твоей,
Любовью къ горестямъ чужимъ
И духомъ воинскимъ твоимъ —
Клянусь тебѣ! Въ твоей груди
Госевну самъ себѣ найди!
И на главу твою люю
Я чашу страшную мою:
Твой рокъ — не спать, не умирать,
Хоть смерти будешь ты желать,
Къ душѣ твоей, какъ страхъ, близка,
Она все будетъ далека.
Свершились чары надъ тобой:
Ты связавъ цѣною вѣмой;
И умъ, и сердце мнѣ отдай;
Мой ядъ пропьянулъ въ вихрь: страдай!...

С Ц Е Н А II.

Утро на горѣ Юнгфрау. Манфредъ одинъ на
утесѣ.

МАНФРЕДЪ.

Я вызывалъ духовъ — и брошенъ ими;
Наукой чаръ обмануть горько я:
Въ чемъ врачевства искалъ, тѣмъ лишь
измученъ...
На что мнѣ сверхъестественная помощь?
Нѣтъ власти надъ прошедшимъ у велъ,
А будущиность, пока не погрузится
Прошедшее во мракъ, — мнѣ ничто.
О, мать земля! и ты, разсвѣтъ веселый,
И ты, цѣпь горъ, за чѣмъ прекрасны вы?
Я не могу любить васъ. Око міра
Блестящее, живое, ты глядишь,
Равно на все, и льешь на все веселье...
Моей душѣ отрадой не блещешь.
Утесы, я стою на вашемъ краѣ,
И въ пропасти, гдѣ бѣсится потокъ,
Мнѣ кажутся кустарниками сосны,
Такъ далеки онѣ; одинъ скачекъ,

Движенье, одно лишь дуновение—
И грудь моя, тамъ, на груди скалы,
Найдетъ покой — навѣки! Чтожъ я медлю?
Я чувствую порывъ — и не лечу;
Опасность вижу — и не отступаю;
Нога вѣрика, хотя кружится мозгъ;
Удержавъ я какой-то тайной силой;
Мой приговоръ — жить, если тотъ жи-

ветъ,
Кто такъ, какъ я, духъ носить помертвѣ-

мый
И гробомъ сталъ для собственной души.
Я пересталъ судить свои дѣянья,
А это—зло недугъ послѣдній. — О!

(пролетаетъ орелъ)
Посоль крылатый, ты который режешь

тучи
И выше всѣхъ взлетаешь въ небеса,
Меня задеть ты смѣло могъ; я долженъ
Добычею твоимъ орлятамъ быть;
Ты улетаешь, куда слѣдить не можетъ
Глазъ за тобой; но твой могучій взоръ
И въ стороны, и въ верхъ, и въ низъ все

видитъ;
Прекрасенъ, о, прекрасенъ этотъ свѣтъ!
Какъ пышенъ онъ и въ формахъ и въ

явленьяхъ!
Но мы, прозвавъ себя его царями,
Мы, полупракъ и полубожество,
Которымъ ни парить, ни пасть не срод-

но, —
Мы смѣшаннымъ составомъ представля-

емъ
Одну борьбу стихій его, живемъ
Дыханіемъ величья и паденья,
Въ бореніи всегласнемъ низкихъ нуждъ
Съ возвышеннымъ влеченьемъ гордой во-

ли;
Но наконецъ одержитъ смертность верхъ,
И люди станутъ тѣмъ, чего не скажутъ
Самимъ себѣ, не вѣрятъ и другимъ.

(Вдали слышна пастушья свирель)

Чу! музыка! естественные звуки
Свирели горъ; — здѣсь патриаршій бытъ
Не сказка. Какъ свободный, тонкій воз-

духъ
Плывительно сливается тоны тѣ
Съ звоночками играющаго стада!
Моя душа хотѣла бы упиться
Чудеснымъ эхомъ; о, когда бъ я былъ
Незримымъ духомъ сладостнаго звука,
Гармоніи живительной душой,

Безплотнымъ наслажденьемъ, и родил-
ся бъ,
И умеръ бы съ счастливымъ звукомъ
тѣмъ,

Которымъ былъ бы созданъ.
(Внизу показывается охотникъ.)
охотникъ.

Вотъ сюда
Прыгнула серна; легкою скакуньей
Обмануть я; успѣхъ охоты мнѣ
Едва ль воздастъ сегодня за работу
Опасную для жизни. — Это кто?
По виду онъ не пашъ братъ, э взбрался
На высоту, которой лишь съ трудомъ
Смѣльшіе изъ насъ достигнуть могутъ?
Въ одеждѣ онъ хорошей, видомъ смѣль
И горделивъ, какъ селянинъ свободный.
Я подойду къ нему.

манфредъ, (не замѣчал его).
И такъ все жить!

Такъ посѣдѣть отъ горя, какъ тѣ сосны,
Одной зимы добыча; — безъ коры,
Безъ сучьевъ, жить такъ — обваженнымъ

стеблемъ
На корнѣ проклятомъ, который чувство
Разваливъ даетъ, и жить все такъ.

И вѣчно такъ, когда я жилъ иначе!
Морщинами изрытъ я весь, но ихъ
Прорезали не годы, а минуты;
А тѣ часы, которые въ вѣка

Превращены мученьями, — часы тѣ,
Которые я пережилъ... О, вы,
Громады льдинъ, вы страшныя лавины,
Которыя однимъ дыханьемъ вѣтеръ

Бросаетъ внизъ, нагромождая горы,
Падите на меня всей массой; я слышу
Вверху, внизу вашъ безпрестанный трескъ;
Но вы меня минуете, и только

Разите то, что бы хотѣло жить:
Лѣсъ молодой, цвѣтущій, или кровлю,
Шалашъ, — пріютъ неввинныхъ поселянъ,

охотникъ.
Туманъ ужъ сталъ съ долины поднимать-

ся,
Остерегу его, чтобъ не сохнулъ;
Стезю и жизнь онъ потеряетъ вдругъ мо-

жетъ.
манфредъ.
Вкругъ ледниковъ туманы закружились
И подо мной роятся облака
Бурильныя и сѣрыя, какъ пѣна
Морей свирѣлыхъ въ адскихъ глубинахъ,

Гдѣ каждый валъ о брегъ живой дробит-
ся,

На грѣшниковъ, которые на немъ
Взгромождены, какъ камни... о, мнѣ дурно!

охотникъ.

И долженъ осторожно подойти:

Отъ шороха везапаго онъ вздрогнетъ;

А кажется колеблется и такъ.

манфредъ.

Вдѣ падали-же горы, оставляя въ тучахъ

Прорывы; отъ паденья ихъ тряслись

Альпійскіе ихъ братья, наволяясь

Обломками зеленый, пышный долъ;

Ударъ везапный засыпалъ потоки,

Валы въ туманъ давленьемъ обращалъ,

И родникамъ повелѣвалъ каналовъ

Другихъ искать; такъ Розенбергъ упалъ;

Зачѣмъ подъ нимъ я не былъ?

охотникъ.

Другъ, послушай.

Твой первый шагъ послѣднимъ можетъ
быть.

Любовію къ тому, кѣмъ сотворенъ ты,

Молю тебя, не стой тамъ, на краю...

манфредъ, (не слыша его.)

Тогда бы я имѣлъ приличную могилу,

Тогда бы костямъ подъ массой былъ по-
кой,

И по скаламъ онъ бы не разлетѣлся

Забавою для вѣтра, какъ теперь,

Какъ суждено теперь,— въ одномъ уда-
рѣ...

О, небеса пріветныя, простите!

Зачѣмъ смотрѣть съ упрекомъ на меня?

Не для меня назначены вы были;

Земля, прими атомы эти...

Манфредъ хочетъ вкнуться съ утеса; охотникъ
схватываетъ, и удерживаетъ его.

охотникъ.

Стой

Безумецъ! хотъ ты жизнию скучаешь,

Не оскверняй родныхъ моихъ долинъ!

Твоей преступной кровью! Или за мной!

Я не пушу тебя.

манфредъ.

Мнѣ дурно; вѣтъ,

Такъ крѣпко не держи меня;—какъ слабъ я,

Кружатся горы все—темно въ глазахъ;

Кто ты такой?

охотникъ.

Отвѣтъ тебѣ дамъ послѣ;

Ступай за мной—сгустились облака;

Упрись же на меня, поставь тутъ ногу;

Вотъ палка, ухватись за этотъ кустъ;

Дай руку и держи меня за поясъ.

Потше! такъ. Въ часъ къ хижинамъ

дойдемъ;

Ступай, сейчасъ путь будетъ безопас-
ный;

Промыли здѣсь потоки родъ тропинки.

Или-же, вотъ сюда теперь; прекрасно;

Тебѣ бы быть охотникомъ. За мной.

(Спускаются съ трудомъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Хижина въ бернскихъ Альпахъ.

Манфредъ и охотникъ.

охотникъ.

Вѣтъ, вѣтъ, постой; я не пушу тебя;

Нельзя еще душѣ твоей и телу

Довѣриться другъ другу; погоди

Хоть нѣсколько; когда же будетъ лучше

Тебѣ, тогда я провожу тебя;—

Скажи, куда?

манфредъ.

Не нужно; самъ я знаю

Дорогу; для чего вожатый мнѣ?

охотникъ.

Твой видъ и платье говорятъ, что значитъ

Ты родомъ и одинъ изъ тѣхъ господъ,

Которыхъ замки тамъ, съ утесовъ смо-

тратъ

Въ глубокія долины; но какой

Зоветъ тебя владѣльцемъ? Знаю только

Я ихъ по виду; образъ жизни мой

Лишь изредка мнѣ доставляетъ случай
Погрѣться у обширныхъ очаговъ
Тѣхъ древнихъ зданій, и вести бесѣду
Съ вассалами; но всѣ пути въ горахъ,
Къ воротамъ ихъ, съ ребячества я знаю:
Который твой?

манфредъ.

Что вужды?

охотникъ.

За вопросъ

Прости меня и будь повеселѣе,
Отвѣдай-ка вина: оно старо,
И въ ледникахъ меня отогрѣвало
Не разъ; пускай послужитъ и тебѣ.
Ну, чокнемся; развеселись!

манфредъ.

Прочь, прочь!

Здѣсь въ кубѣ кровь! Ужели никогда
Земля ее не втянетъ?

охотникъ.

Что съ тобою?

Ты виѣ себя.

манфредъ.

Я говорю тебѣ,

Что это кровь моя, тотъ чистый, те-
пльй

Ея потокъ, который пробѣгалъ
По жиламъ вашихъ предковъ и по на-
шимъ,

Какъ молоды мы были, и одно
Въ насъ было сердце и когда другъ друга
Любили мы, но не такъ, какъ должно.—
И пролилась та кровь, и все дымится,
И красить тучи, запырая входъ
На небеса—туда, гдѣ вѣтъ тебѣ,
Гдѣ не бывать и мнѣ.

охотникъ.

Мужъ съ рѣчью странной!

Къ безумью близкій духъ твой создаетъ
Видѣвая пустыя; но хоть страшень
Недугъ твой, все тебѣ надежда есть:
Духовныхъ лицъ совѣты и святое
Терпѣнье.

манфредъ.

Всѣ терпѣнье, до терпѣнья!

Для всючныхъ лишь животныхъ это слово
Сотворено, а не для хищныхъ птицъ!
Ступай, его тѣмъ смертнымъ проповѣ-
луй,

Которыхъ персть равна твоей; а я
Не твоего десятка.

охотникъ.

Слава Богу!

Я не хотѣлъ бы стать такимъ, какъ ты
Заславу всю Вильгельма Теля. Впрочемъ,
Какимъ бы ты недугомъ ни страдалъ,
Свосить его ты долженъ: изступленье
Помочь тебѣ не можетъ.

манфредъ.

Развѣ я

И не сводю его? Взгляни—я живъ.

охотникъ.

Такая жизнь—не жизнь, а содроганье.

манфредъ.

Послушай, я ужъ много прожилъ лѣтъ,
Лѣтъ долгихъ; но они ничто въ срав-
неньи

Съ тѣмъ, что еще прожить мнѣ суждено;
Вѣка, вѣка,— вѣтъ—безпредѣльность,
вѣчность,

Съ сознаниемъ, съ ужасной жаждой
смерти

Неутолимой.

охотникъ.

А на взглядъ,

Чело твое—сава ли зрѣлый возрастъ
Успѣлъ своей печатью заклеить;
Гораздо старше я.

манфредъ.

Но какъ ты мыслишь?

Отъ времени ль зависить наша жизнь?

Да, но эпохи въ ней—дѣянья ваши:
Я сдѣлалъ то, что стали дни мои
И ночи всѣ безсмертны, безконечны.

Они, какъ на песчаномъ берегу
Песчинки безъ числа сливаюсь
Въ одну холодную, пустую степь,
Куда, ярясь, бьютъ волны, оставляя
На ней лишь остовы, обломки скалъ,
И горькія, печальныя растенья.

охотникъ.

Увы! помышляя огъ, но все-жъ его
Оставить я не долженъ.

манфредъ.

О, когда бъ

Помышляя былъ я точно;—все, что вижу,
Я могъ бы счесть тяжелымъ сномъ.

охотникъ.

Но что жъ

Ты видишь здѣсь? иль думаешь что ви-
дншь?

манфредъ.

Себя съ тобой: жильца простаго горъ,
Твой скромный бытъ, твой кровь госте-
примный,
Смиранный твой, благочестивый духъ,

СЦЕНА II.

Долина въ Альпахъ. Водопадъ.

манфредъ.

Но гордый и свободный; уваженье
Твое къ себѣ—невидныхъ мыслей плодъ,
Безгрѣшные труды, которымъ цѣну
Опасность придаетъ; надежды всѣ
Веселыхъ дней подлѣ старости, и могучу
Спокойную съ гирляндой и крестомъ
На свѣжемъ дернѣ; вмѣсто эпитафій—
Любовь живуую внука,— вотъ, что я
Здѣсь вижу; и потомъ я взоры устрем-

ляю
въ себя... но что!—моя душа
Опадена давно.

охотникъ.

Такъ, стало быть,

Судьбою ты со мной бы поменялся.

манфредъ.

Нѣтъ, другъ, вредить тебѣ я не хочу:
Своей судьбы мнѣять не соглашась
Я съ существомъ живымъ; я самъ могу
Снести,— хоть съ муками,— но все снес-

ти
На дѣль то, что для другихъ и въ гре-

заль

Ковечью смертью было бѣ.

охотникъ.

И съ такой

Боязнию за чуждыя страданья

Ты очернеешь проступкомъ страшнымъ?

Нѣтъ,

Кто съ нѣжною душою способенъ къ
мести

Безжалостной врагамъ?

манфредъ.

О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Вредилъ я только тѣмъ, кого любилъ я
Нѣжвѣй всего, тѣмъ, кто любилъ меня!
Врага тѣснилъ лишь въ праведной за-

щитѣ,

Но погубны мои объятя были.

охотникъ.

Пошли Господь тебѣ покой, и пусть

Раскаянье твою врадуетъ душу;

Я за тебя молиться буду.

манфредъ.

Мать!

Не нужно мнѣ молить, но состраданье
Твое могу снести я. Я иду;
Пора, прости! Вотъ золото, спасибо!
Ни слова: это долгъ!—вейди за мной!
Я знаю путь: опасность миновала,
Еще разъ говорю: вейди за мной!
(Уходитъ.)

Еще вѣтъ поляна: радуги лучи
Окреслили потокъ цвѣтами неба;
Сребристый столпъ, полпулясь, внизъ ле-

титъ

Съ отвѣснаго утеса, отдѣляя
Во всѣ концы ряды блестящихъ брызгъ,
И кажется хвостомъ коня сѣдаго,
Гиганта, на которомъ сядетъ смерть,
Какъ памъ гласить апокалипсисъ; только
Одни мои глаза пьютъ этотъ видъ
Плѣнительный. О, какъ бы я хотѣлъ
Здѣсь жить одинъ въ убивающъ отрадномъ
И съ феей этихъ мѣстъ дѣлиться токомъ
Кристалльныхъ водъ; я вызову ее.

Манфредъ беретъ воды на ладонь и броса-
етъ ее въ воздухъ, произнося заклинанье. Чрезъ
несколько времени Фейя Альповъ является надъ
радугаю потока.

Прекрасный духъ, увѣчанный лучами!
Величье очей твоихъ слѣпить;
Въ тебѣ красы прелестныхъ дѣвъ зем-

ли

До формы не земной чудесно возросли,
До красоты стихій чистѣйшихъ.

Цвѣтъ юности, румянецъ чѣрный шекъ—
У спящаго, прекраснаго младенца,

Котораго колышетъ сердцемъ мать,
Иль отблескъ розовый, который льтомъ

Кладетъ закатъ на дѣвственныхъ сив-

гахъ

Высокихъ горъ,—земли стыдливой краска,
Когда ее лобзаютъ небеса,—

Твой райскій ликъ румянитъ, затмѣвая
Всю красоту блестящей той дуги,

Которая согнулась надъ тобою.

Духъ свѣтлый! на чель твою спокой-

номъ

Вся чистота души отражена,
Сама въ себѣ безсмертья вѣрный при-

знакъ.

Читаю я прощенье сыну праха,
Которому согласемъ тайныхъ силъ

Дано по временамъ сблизаться съ ними
Волшебствомъ чаръ. Прости мнѣ, что

дерзнулъ

Я вызывать тебя; прости, что на мгно-

венье

Вопьюсь въ тебя глазами.

Фел.

Сынъ земли!

Я знаю и тебя, и все тѣ силы,
Которыми власть царь тебѣ дана!
Я знаю, что мыслитель ты глубокий,
До крайности доходишь, какъ въ добрѣ,
Такъ и во злѣ, твой рокъ — страдать; ждала я,
Что ты придешь. На что жь меня ты звалъ?

НАИФРЕДЪ.

На красоту твою взглянуть — и только.
Лицо земли мнѣ возмутило духъ;
Я въ таинствахъ ея искалъ приюта
И къ тѣмъ, кто ея править проникалъ,
Но мнѣ они не помогли; просилъ я
У нихъ того, чего не могутъ дать,
И пересталъ просить я.

Фел.

Но чего же

Просить ты могъ, что не во власти
тѣхъ,
Кто всѣхъ сильнѣй, правителей могучихъ,
Невидимыхъ?

НАИФРЕДЪ.

Лишь дара одного,

Но повторять зачѣмъ о томъ... напрасно!

Фел.

Я этого не знаю, — говори!

НАИФРЕДЪ.

Такъ пусть себя измучу; все равно,
Страдания въ тяжелымъ дамъ я голосъ.
Отъ юныхъ лѣтъ мой духъ не шелъ
дорогой
Другихъ людей, на землю не смотрѣлъ
Я тѣми же глазами, какъ все люди;
Желанія ихъ не были моими,
Цель жизни ихъ моею не была.
И радостью, и скорбью, и страстями,
И свойствами я людямъ былъ чужой,
Подъ образомъ людскимъ не ощущалъ я
Поклонности къ живущимъ существамъ;
И вкругъ меня изъ всѣхъ дѣтей земли...
Одна лишь... но дойдетъ и до нея.
Я говорю, что мало сообщенья
Имѣлъ съ людьми и мыслями людей;
За то восторгъ я ощущалъ въ пустыняхъ,
Любилъ вдыхать тяжелый воздухъ горъ
На ледяныхъ вершинахъ, гдѣ ни птицы
Не смѣютъ свить гнѣзда, ни мотылекъ
На зѣдѣвалъ крыломъ скалы безтравной;

Любилъ нырять въ потокъ, бросаться
въ бурѣ
Рѣчныхъ валовъ или морскіихъ приливовъ:

Въ нихъ находилъ восторгъ для юныхъ
силъ;

Или слѣдилъ всю ночь за луннымъ блескомъ,

Звѣздами и развѣтвѣлъ ихъ; смотрѣлъ
На молнію, пока въ глазахъ темнѣло,

И замѣчалъ полетъ листовъ, когда

Осенній вѣтръ вечернюю пѣлъ пѣсню.

Вотъ какъ любилъ я время проводить.

Но все одинъ; при вострѣхѣ съ существами.

Къ которымъ я и самъ принадлежалъ

Я чувствовалъ, что упадалъ душой

Опять до нихъ, и весь былъ снова прахомъ.

Такъ странствуя, порой я заходилъ

Въ жилища тихой смерти, и хотѣлъ

Въ ея сѣняхъ найтти ея причину.

Я извлекалъ изъ череповъ изгнившихъ,

Сухихъ костей и праха страшныхъ гroudъ

Запретныя познанія. Ночи многихъ лѣтъ

Я посвящалъ наукамъ, что извѣстны

Лишь древности глубокой. Время, трудъ,

Рядъ опытовъ тяжелыхъ и лишенныхъ,

(Которыя одинъ дать могутъ власть

Надъ духами земли и царствъ воздушныхъ,

Которымъ иттъ предѣловъ), послушаніи

Къ тому, что я взоръ съ вѣчностью саружилъ,

Какъ маги, какъ мудрецъ, который вызвалъ

Изъ тайнаго жилища родниковъ

Эроса и Антероса въ Гадаръ, (*)

(*) Философъ Ямвликъ. Евпатій, описывая жизнь его, говоритъ, что купался однажды въ Гадаръ, въ Сиріи, съ учениками своими, спорившими съ нимъ о качествахъ различныхъ тамошнихъ водъ, онъ приказалъ имъ спросить у жителей имена двухъ ближайшихъ и красивѣйшихъ источниковъ, и получилъ въ отвѣтъ, что неизвѣстно почему одинъ называется Эросомъ, а другой Антеросомъ. Тогда Ямвликъ сѣлъ у одного изъ этихъ источниковъ, опустилъ руку въ воду и произнесъ нѣсколько словъ, вызвалъ оттуда прелестнаго мальчика, съ золотыми локонами, потомъ пошелъ къ другому источнику, и такимъ же образомъ вызвалъ другаго амура съ черными кудрями; оба купидона приплыли къ Ямвлику, но онъ тотчасъ же велѣлъ имъ возвратиться на мѣстамъ. Писая того, друзья уже во всемъ втрину ему.

Какъ я тебя, и съ знаніемъ моимъ
Росла все жажда знанія, и сила,
И мудрости блестящій восторгъ,
Пока...

ФЕЯ.

Что жъ? продолжай!

МАНФРЕДЪ.

О, я нарочно для
Слова мой, вѣрнѣе набираю
Тѣмъ восхвалася, за тѣмъ, что близокъ часъ
Къ зародышу моей сердечной скорби.
Но къ дѣлу... я не говорилъ тебѣ
Про мать, отца, любовницу или друга,
Про существо, съ которымъ бы я былъ
Земною цѣпью связанъ, если были
Такіе, то не тѣмъ казались мнѣ...
Но среди всѣхъ одна...

ФЕЯ.

Оканчивай смѣлѣе.

МАНФРЕДЪ.

Она была похожа на меня,
Черты, глаза и волосы, все, даже
Тонъ голоса, — все было въ ней мое;
Но все вѣжливѣе и смягчено красотою.
Она была полна тѣхъ самыхъ думъ:
Одна, какъ и, блуждала съ жадной стра-
стью

Къ познаніямъ таинственнымъ, съ душой,
Способною постигнуть тайны міра;
Но съ этимъ всѣмъ явленія были въ ней
И вѣжливѣе: улыбка, жалость, слезы,
Которыхъ я не зналъ, и вѣжливость, — но ее
Къ ней чувствовалъ и самъ я — и смире-
нныя,

Котораго не зналъ я никогда, —
Всѣ недостатки въ ней — мои были,
Все доброе — ея, одной ея... любилъ я —
И погубилъ ее.

ФЕЯ.

Своей рукою?

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ, не рукою, а сердцемъ; имъ раз-
билъ
Я сердце ей: оно въ мое глядѣло
И отъ того поблѣкло. Лишь я кровь,
Но не ея, а между тѣмъ, была
И кровь ея пролита; видѣлъ это я —
И помѣшать не могъ.

ФЕЯ.

И для вся,

Для члена племени, къ которому пре-
звѣныя.
Ты чувствуешь, бросаешь ты дары

Таинственныхъ познаній, унижаясь
До смертности трусливой?... Прочь!

МАНФРЕДЪ.

Дочь воздуха! скажу тебѣ, что я
Съ минуты той.. но что слова? — дыханье..
Нѣтъ, на меня взгляни, когда я сплю,
Двѣмъ наблюдай за мною, сидя возлѣ.
Когда одинъ я, — я не одинокъ,
А фурія со мной; не разъ зубами
Я скрежеталъ всю ночь до утра, а по-
томъ

Клялъ самъ себя до захожденія солнца;
Безумія, какъ милости, просилъ;
Напрасно! Шелъ не разъ на встрѣчу
смерти;

Но среди борьбы стихійной, отъ меня
Бѣжали прочь валы и проносились
Надъ головою безъ всякаго вреда
Смертельные гонцы: рукой холодной
Безжалостный какой-то демонъ зла
Меня держалъ на волоскѣ, который
Никакъ не могъ порваться. Я нырялъ
Въ фантазію, въ потокъ воображенія,
Въ приливы всѣ души, которая была
Когда-то Крезомъ въ торжествѣ, по-
тщетно:

Какъ бы отливъ могучій относилъ
Меня опять въ заливъ бездонныхъ мыслей;
Мѣшался я въ толпу людей, искалъ
Забвеніе вездѣ — но тамъ лишь только,
Гдѣ могъ найти его; — стремлюся я
Его узнать; мои познанія, опытъ
И высшихъ силъ пособье — смертны здѣсь.
Съ отчаяньемъ вездѣ я, съ нимъ живу я
И все живу.

ФЕЯ.

Но, можетъ быть, могу
Я здѣсь тебѣ помочь.

МАНФРЕДЪ.

Чтобъ это сдѣлать,
Должна умѣть ты мертвыхъ пробуждать,
Или меня къ нимъ положить въ могилу.
Исполни: какъ, когда — мнѣ вужды нѣтъ,
Съ мученьями, какими хочешь; лишь бы
только

Все кончить.

ФЕЯ.

Не въ власти то моею;
Но если ты произвесишь мнѣ клятву
Въ покорности и будешь исполнять,

Что я велю, найти въ томъ можешь по-
мошь.

МАНОФРЕДЪ.

Нѣтъ, не хочу! Покорность, а кому?
Не духамъ ли, которыми я правлю?
Рабомъ стать тѣхъ, кто прежде мнѣ
служилъ?

Нѣтъ, никогда!

ФЕЯ.

И все тутъ? Ты не дашь мнѣ
Помасковѣй отвѣта? Посмотри:
Одумайся, пока меня отвергнешь.

МАНОФРЕДЪ.

Я все сказалъ.

ФЕЯ.

Довольно, такъ могу
Сохряться я, прикажешь ли?

МАНОФРЕДЪ.

Сокройся!

(Фея исчезаетъ)

Мы времени и ужаса шуты;
Дни вновь идутъ къ намъ и отъ насъ
уходятъ,
А мы, живемъ все, неавидя жизнь,
Но въ вѣчномъ страхѣ смерти, во все
время,

Пока на насъ несное армо,
Живая цѣпь на борющемся сердцѣ,
Которое—то въ скорби упадаетъ,
То вдругъ сильнѣй забьется отъ страда-
ній,

Иль радости, переходящей вдругъ
Въ мученья или слабость;—во всѣ дни
Прошедшіе и будущіе (въ жизни
Что можно настоящимъ звать?) какъ мало,
Какъ мевѣ, чѣмъ мало, мы начтемъ
Такихъ часовъ, въ которые предъ смер-
тью

Мы не дрожимъ, но и тогда отъ ней
Огпряемъ мы, какъ изъ рѣки зимою,
Хоть холодъ и мгновенный. Средство
мигъ

Еще одно осталось—вызвать мертвыхъ,
Спросить у нихъ: чего боимся мы?

Отвѣтомъ худшимъ можетъ быть: «поги-
лы!»

А что она? А если не дадутъ
Отвѣта мнѣ? но вѣдь пророкъ изъ гроба
Волшебницѣ Эндорскій далъ отвѣтъ (*),
И Спарты царь духъ византійской дѣвы

(*) Самуилъ, духъ котораго вызванъ былъ
Эндорскою гадательницею, по желанію Саула
и предсказалъ ему смерть.

Не дремящій къ отвѣту понуждалъ,
Чтобы узвать судьбу свою,—въ незнаньи
Убилъ онъ ту, которую любилъ,
И умеръ не прощенный, хотъ на помощь
Фиксійскаго звалъ Зевса, прибѣгалъ
Въ Фигалии къ волшебницамъ аркадскимъ
Тѣмъ злобную просилъ онъ гнѣвъ смирить
Или предѣлъ назначить для отмщенья.
Сомнительный отвѣтъ она дала,
Но онъ сбылся (*). Когда-бъ я вовсе не
жилъ,

Любезная моя была бъ жива;
Когда бы не любилъ я, и теперь бы
Любезная моя цвѣла красой,
Средь счастья, и счастьемъ дарила.
И чтожъ она? о, что она теперь?
Страдала за грѣшный духъ мой; что то,
О чемъ боюсь и мыслить, иль—ничто.
О, скоро я не буду звать напрасно;
Но въ этотъ часъ я трещу того,
На что рѣшусь въ послѣдствіи. Доселѣ
Безтрепетно взираю я на духовъ,
Какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, теперь дро-
жу я

И чувствую какую-то росу
Холодную на сердцѣ; но могу я
Творить и то, что ненавистно мнѣ
Повелѣвать и страхомъ. Ночь близка.

==

СЦЕНА III.

Вершина горы Ювгарау.

Луна взошла: она полна, ярка
И на сѣняхъ, не поправныхъ стопами
Ничтожными людскими, по ночамъ
Мы безъ слѣдовъ скользимъ, валь дикимъ —
моремъ —
Зеркальнымъ океаномъ горныхъ лдовъ,
По ихъ буграмъ суровымъ, видъ кото-
рыхъ

(*) Павзаний, царь спартискій, во время пре-
быванія своего въ Византіи, убилъ по неос-
торожности любимую имъ дѣвицу Клеонису,
и духъ убитой не переставалъ потому трево-
жить его. Желая умилостивить гнѣвную тѣнь,
Павзаний отправился въ Ираклею, и тамъ, въ
храмъ, гдѣ вызывали тѣни усопшихъ, выз-
валъ Клеонису и умолялъ ее о прощеніи. Она
явилась и сказала ему, что она избавитъ отъ
всѣхъ безпокойствъ по возвращеніи словесъ
въ Спарту. Это было загадочнымъ предска-
заніемъ смерти Павзанія.

Похожъ на рой бунтующихъ валовъ,
Замерзшихъ вдругъ, — картину мертвой
бури. —

Вотъ этотъ фантастическій утесъ,
Внезапное дитя землетрясеня,
Гдѣ облака привыкли отдыхать, —
Святилище забавъ и тайнствъ нашихъ.
Здѣсь жду теперь своихъ, чтобы потомъ
Отправиться всѣмъ въ замокъ Арамана:
Тамъ праздникъ въ эту ночь. Но что-жь
ихъ нѣтъ?

первый голосъ поетъ.

Съ престола низвергнуть,
Въ оковахъ злодѣй.

Въ темницу онь всвергнуть:
Забить всеми въ шей.

Я сонъ въ немъ разсѣю,
Цѣпь мигомъ спадеть;

Дамъ войско злодѣю,
Тиранию оживеть.

Онь за трудъ мнѣ воздастъ кровью цр-
лыхъ племевъ,
И всеобщей бѣдой за свой стыдъ и свой
плѣнъ.

другой голосъ.

Корабль плыветь, корабль скользить;
Съ него парусъ летить, съ него мачта ле-
титъ;

Я все доски его разметала кругомъ —
И души нѣтъ живой, чтобы плакать по
немъ:

Одного я спасла, какъ въ смятении онь
плылъ,

Но заботу мою этотъ самъ заслужилъ;
Онь пиратъ на волнахъ, онь на сушѣ
злодѣй:

Я спасла его съ тѣмъ, чтобы губилъ онь
людей!

первая парка.

Спитъ городъ въ молчавьи,
Заря окропять
Слезами страдавья,
Внезапной бѣдою
Чума налетитъ:
Все въ прахъ подь грозою.
Отъ труповъ громады
Живыя бѣгутъ,
Родныхъ бросить рады;
Но въ скорби глубокой
Отъ доли жестокой
Они не уйдутъ.
Гроза во всей силѣ
Льетъ ужасъ въ народъ;

Блаженъ, кто въ могилѣ
Не видитъ страданій,
Къ кому не дойдетъ
Вопль страшныхъ стenanій.

Гибель царствъ въ ночь одну—вотъ забава
моя

Искони, и всегда ей вѣрна буду я!
Входятъ вторая и третья Парки.
хоръ.

Сердца людей въ рукахъ у насъ,
А прахъ ихъ подь ногами:
Рабамъ дамъ свободы часть,
Но быть опять имъ съ нами.

первая парка.

Привѣтъ вамъ, сестры, гдѣ же Немезида?
вторая парка.

Не знаю, чѣмъ—то важнымъ занятъ—
И у самой меня дѣла были полны руки.
третья парка.

Вотъ и она.

Входятъ Немезида.

первая парка.

Скажи, гдѣ ты была?

Замѣшкатель ты точно какъ и сестры.
Немезида.

Да, занята была я. . . . .
. . . . .
. . . . . внушала людямъ
Местъ ко врагамъ, и послѣ ихъ самихъ
Раскаяться въ той мести заставляла;
Въ безуміе вгоняла мудрецовъ,
А изъ глупцовъ оракуловъ творила,
. . . . .
. . . . . Но опоздали мы.
Пора давно; на облака скорѣе!

=

СЦЕНА IV.

Дворецъ Арамана. Арамана сидитъ на ог-
ненномъ шарѣ, окруженный духами.

гимнъ духовъ.

Владыка нашъ! Царь неба и земли
И вода, и тучъ, прими привѣтъ смирен-
ный!
Въ рукъ твоей скиптръ мощный: повели—
И нѣтъ стихій, и хаосъ во вселенной!
Дохицуй — валы ярятся на моряхъ;
Сказалъ — и громъ по облакамъ латится;
Взглянулъ — и нѣтъ свѣтлнцъ на небесахъ;
Махнулъ — и мнръ изъ части разметится;
Гдѣ ты ступилъ — волная родитъ земля;

Твои гонцы — трескучія кометы;
Зараза — твѣя могучая твоя,
И яростью ты пепелишь планеты.

На твой алтарь тьму жертвъ владеть вой-
на

И смерть тебѣ даць каждый день прино-
сить;

Жизнь съ бездной мукъ тебѣ подчинена
И всякій рабъ тебѣ, кто душу въ тѣлѣ по-
снѣтъ. —

Входят Парки и Немезида.

первая парка.

Честь Ариману! власть его растетъ;

Исполнили его велѣнья сестры,

И на землѣ я долгъ свой соблюдаю.

вторая парка.

Честь Ариману! люди перель нами

Во прахъ; мы — во прахъ перель нимъ!

третья парка.

Честь Ариману! мы покорны знаку

Его руки...

Немезида.

О, царь царей! мы все твой,

..... много

Заботь у насъ умножить власть свою,

Твою тѣмъ умножая; но бодры мы;

Послѣдвія пелѣвнн твои

Исполнены все въ точности.

Входитъ Манфредъ.

первый духъ.

Кто это?

Какъ? смертный? О, ничтожный, дерзкій
рабъ!

Скорѣй во прахъ!

второй духъ.

Скорѣй во прахъ, презрѣнный! иль не
знаешь

Ты своего и нашего царя.

Дрожи и повинуйся!

все духи.

Въ прахъ повергни

Персть грѣшную свою, дитя земли!

Или-всѣхъ золь страшись!

манфредъ.

Я это знаю;

Но видите, что я колѣнь не гну.

четвертый духъ.

Научимъ мы тебя!

манфредъ.

Ужъ я учился;

О, сколько разъ я ночью на землѣ

На прахъ сырой лицомъ своимъ склонял-
ся

И голову золою посыпалъ;

Я осушилъ всю чашу униженья;

Я палалъ предъ отчаяньемъ моимъ,

И въ прахъ преклонялъ колѣна

Предъ собственной тоской...

пятый духъ.

Какъ смѣешь ты

Отказывать престолу Аримана,

Въ томъ, чѣмъ его почтила вся земля,

Не види, какъ ужасенъ онъ во славу.

Въ прахъ, говорю!

манфредъ.

Пусть онъ падаетъ во прахъ

Предъ Высшимъ, Всемогущимъ, Безко-
нечнымъ,

Перель Творцомъ, который сотворилъ

Его не съ тѣмъ, чтобъ былъ онъ намъ ку-
миромъ;

Пусть онъ падетъ, такъ вмѣстѣ мы па-
демъ!

духи.

Давите червя — на куски его!

первая парка.

Прочь, прочь! онъ мой! О, царь незримыхъ
силъ!

Онъ — смертный не такой, какъ все дру-
гіе;

Присутствіе его и гордость здѣсь, —

Свидѣтели тому; его страданья

Природою безсмертны, какъ и мы;

А знаніе, могущество и воля

(Какъ только переть позволить то могла,
которая вѣрнъ души стѣсплетъ),

Являлись съ нимъ такими, какъ земля

Лишь изрѣдка родить; его стремленье

Летѣло вдаль отъ жителей земли

И одному его лишь научило,

Что знаемъ мы — что знаніе не есть

Блаженство, и науки все — обмѣтъ лишь

Невѣжества на новый только вѣтъ

Невѣжества того же; но не все тутъ:

Земля и неба принадлежность — страсти,

которыхъ, начиная съ червяка,

Не избѣжитъ ничто съ душой и жизнью, —

Ему разбили сердце, и его

Тѣмъ сдѣлали, что я хоть не жалю

Его сама, — но и винить тѣхъ не могу,

Въ комъ жалость есть къ нему. Онъ мой,
быть можетъ,

И твой; — такъ или нѣтъ, по у другихъ

Духовъ здѣсь нѣтъ такой души, какъ эта,

Ни власти надъ его душой.

НЕМЕЗИДА.

За чѣмъ же

Онъ здѣсь?

ПЕРДАЛ НАРКА.

Пускай на то ответитъ самъ.

МАНОФРЕДЪ.

Вы знаете, что знаю я; безъ власти
Не могъ бы я быть здѣсь; силы есть
Могучей васъ; пришелъ я, чтобъ ихъ вы-
звать

И получить отъ нихъ, что нужно мнѣ.

НЕМЕЗИДА.

Чего жъ ты хочешь?

МАНОФРЕДЪ.

Ты мнѣ не ответишь.

Зови умершихъ; имъ я дамъ вопросъ.

НЕМЕЗИДА.

Великій Ариманъ! соизволяешь
Ты на его желанье?

АРИМАНЪ.

Да!

НЕМЕЗИДА.

Кого же

Ты воплотить желаешь?

МАНОФРЕДЪ.

Зови Астарту мнѣ.

НЕМЕЗИДА.

Духъ безтѣлесный!

Гдѣ бы ни жилъ ты,
Силой чудесной

Все сохранялъ ты

Часть твоей формы природной,

Персти бывалой твоей

Что въ землѣ спишь холодной:

Явися намъ въ формѣ своей!

Образъ тотъ, въ какомъ жилъ ты,

Слей съ душою своею,

И тотъ видъ, что носилъ ты,

Возврати отъ червей!

Покажись, покажись, покажись,

Тѣмъ, по чьей волѣ ты тамъ, здѣсь явился!

Тѣнь Астарты явлется по срединѣ.

МАНОФРЕДЪ.

И это смерть? румянецъ на щекахъ...

Нѣтъ, вижу я теперь, то не румянецъ;

А мертвый цвѣтъ, какъ живой пурпуръ
тотъ,

Которымъ листъ иссохшій покрывается

Лланъ осени! Все таже, Боже мой!

И до того я дожилъ, что страшуся

Взоръ бросить на пѣс. Астарту, нѣтъ!

Я не могу съ ней говорить, велите

Ей осудить меня или простить.

НЕМЕЗИДА.

Заклинаю тебя той могучею силою,
Персть которой тебѣ стѣны гроба раз-
билъ;

Отвѣчай ты тому, кто сейчасъ говорилъ,
Или тѣмъ, кто тебя разлучить могъ съ мо-
гилой.

МАНОФРЕДЪ.

Она безмолвна; но ея молчанье

Понятнѣй мнѣ отвѣта.

НЕМЕЗИДА.

Власть моя

Итти не можетъ дальше. Царь воздушный!

Еще твоя осталась: повели

Ей говорить.

АРИМАНЪ.

Духъ, скиптру Аримана

Покорствуй!

НЕМЕЗИДА.

Все молчать; она не наша,
Другимъ властямъ принадлежить. На-
прасно

Твое старанье, смертный; здѣсь и мы —
Безсильны.

МАНОФРЕДЪ.

О, услышь меня, услышь!

Астарту, ангелъ мой! скажи хоть слово;

Я много такъ терпѣлъ, я такъ терплю;

Взгляни, тебя не такъ могла измѣнила,

Какъ чрезъ тебя я измѣненъ. Любила

Меня ты слишкомъ, какъ и я тебя;

Не для того, чтобъ такъ терзать другъ
друга

Сотворены мы были, хоть грѣхомъ

Смертельнымъ въ насъ была любовь та-
кая,

Какою мы любили. О, скажи,

Что я тебѣ не гнусенъ, что несу я

Казнь эту за обоихъ насъ, что есть

Тебѣ межъ праведными мѣсто, что ум-
ру я.

Всѣ ужасы вступили въ заговоръ,

Чтобы связать меня существованьемъ,
жизнью,

Которая велитъ мнѣ трепетать

Безсмертья и—грядущимъ, страшно сход-
нымъ

Съ прошедшимъ. Я съ покоемъ незна-
комъ,

Не знаю самъ чего ищу, прошу я,

Но чувствую, что ты и что я самъ,

И разъ еще предъ гибелью хотѣлъ бы

Услышать голосъ тотъ, который былъ

Мнѣ музыкой: заговори со мной.

Птицъ дремлющихъ сговяля съ вѣтвей;
будяль

Въ лѣсахъ, волковъ и эхо горъ знакомилъ
Напрасно съ именемъ твоимъ; отвѣтъ
Давало все мнѣ — люди, какъ и духи;
Молчала ты одна; заговори!

Не разъ я ждалъ, пока исчезнуть звѣзды
И въ небеса вперяль напрасно взоръ,
Ища тебя; заговори! Всю землю
Я обходилъ, но не нашелъ выгдъ
Подобья твоего; — заговори же!
Вокругъ враги — и въ нихъ ко мнѣ есть

жалость;
Я не боюсь ихъ; ты одна въ умѣ;
Заговори, — хоть гнѣвно, — только слово!
Мнѣ все равно какое, лишь бы слышать
Тебя еще разъ, разъ одинъ...

ТѢНЬ АСТАРТЫ.

Манфредъ!

манфредъ.

Еще, еще! я весь живу лишь звукомъ;
То голосъ твой.

ТѢНЬ.

Манфредъ! жди завтра

Конца земнымъ страданіямъ; — прости!

манфредъ.

О, вымоли еще! прощенъ ли я?

ТѢНЬ.

Прости!

манфредъ.

Скажи, увидимся ль опять мы?

ТѢНЬ.

Прости!

манфредъ.

Еще изъ жалости хоть слово!

Скажи, что любишь ты меня.

Не разъ я звалъ тебя въ полночь без-
молвьи...

ТѢНЬ.

Манфредъ!

(ТѢНЬ АСТАРТЫ исчезаетъ.)

НЕМЕЗДА.

Она сокрылась съ тѣмъ, чтобъ не яв-
ляться;

Ея слова свершатся; — удались!

ДУХЪ.

Онъ въ мукахъ: вотъ что значить смерт-
нымъ быть

И за предѣлы смертности стремиться.

ДРУГОЙ ДУХЪ.

Но у него и власть есть надъ собой,
И воля оцъ мученья покорилъ;
Будь онъ одинъ изъ насъ, явился бъ въ
исмъ

Ужасный духъ.

НЕМЕЗДА.

Еще прошенья у тебя

Нѣтъ къ нашему великому владыкѣ,

Иль къ намъ — рабамъ его?

манфредъ.

Нѣтъ никакого.

НЕМЕЗДА.

Прости же, до свиданья!

манфредъ.

Такъ опять

Мы свидимся? гдѣ на землѣ? Какъ хо-
чешь!

За милость, мнѣ обязанную здѣсь,

Я должникомъ останусь тамъ. Прощайте!

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА I.

Зала въ замкѣ Манфреда.

Манфредъ и Германъ.

манфредъ.

Который часъ?

Германъ.

Одинъ остался до заката

И сумерки пріятныя сулить.

манфредъ.

Скажи, теперь устроено ли въ башнѣ
Все, какъ велѣлъ я?

ГЕРМАНЪ.

Все готово;

Вотъ ключъ и ящикъ.

МАНФРЕДЪ.

Хорошо, ступай!

(Германъ уходитъ).

Тишь чудная какая-то теперь

Въ моей душѣ, покой неизъяснимый!

Доселѣ не встрѣчался онъ мнѣ въ томъ,

Съ чѣмъ въ жизни я знакомился. О, ес-

ли бѣ

Не зналъ я, что изъ нашихъ всѣхъ суеть

Смѣшней всѣхъ философія; что врядъ

ли

Въ нарѣчій педантскомъ слово есть

Пустѣйшее для обольщенія слуха, —

Я думалъ бы, что золотую тайну,

«Канонъ» желанный я теперь открылъ

И утвердилъ въ душѣ. Мгновенно это

чувство,

Но хорошо и разъ его узвать;

Душа моя теперь богаче стала

И на ея скрижаляхъ написать

Могу я, что такое чувство *быть*.

Кто тамъ?

(Входитъ Германъ)

Аббатъ Мавриціи святаго

Желаетъ видѣть васъ.

АББАТЪ. (Входитъ).

Миръ, графъ Манфредъ, съ тобой!

МАНФРЕДЪ.

Благодарю тебя, святой отецъ!

Привѣтъ тебѣ въ стѣнахъ моихъ; при-

ходъ твой

Привнесъ имъ честь, и счастье ихъ жиль-

цамъ.

АББАТЪ.

Дай Богъ, чтобъ было такъ; но я хо-

тѣлъ бы

Поговорить съ тобой наединѣ.

МАНФРЕДЪ.

Видѣ Германъ. Что почтенный гость мой

скажешь?

АББАТЪ.

Начну безъ предисловій: возрастъ, санъ

мой,

Усердіе и цѣль благая — вотъ

Предстатели мои; сосѣдство наше

И близкое, хотя не скрѣплено

Знакомствомъ близкимъ; также мой холо-

тай.

Разносить слухи странные молва,

Нечистые, сливая съ ними имя,
Которое ты носишь; безъ плеча
Его вѣка передавали: дай Господь,
Чтобы его не запятнали и тотъ,
На комъ оно теперь.

МАНФРЕДЪ.

Готовъ я слушать;

Что дальше?

АББАТЪ.

Говорятъ, что ты завелъ
Сношенія съ тѣмъ, отъ смертныхъ что
сокрыто,

Съ жильцами адскихъ странъ, съ толпой
духовъ

Нечистыхъ, злыхъ, которые блуждаютъ

Въ долинѣ мрачной смерти, гдѣ и ты

Привыкъ ходить. Я знаю, какъ ты рѣдко

Въ сношенія входишь съ ближними, съ

людьми,

Что ты живешь въ уединеніи только...

Да свято ли оно?

МАНФРЕДЪ.

И это все

Кто говоритъ?

АББАТЪ.

Мои святые братья,

Селяне удивленные; и даже

Твои вассалы смотрятъ на тебя

Тревожными глазами; жизнь твою

Въ опасности.

МАНФРЕДЪ.

Возьми ее!

АББАТЪ.

Пришелъ я

Сюда спасать, не разрушать; проникнуть

Въ тайникъ души твоей я не хочу;

Но если это правда, время не ушло

Покаяться, спастися; заключи

Миръ съ церковью, а черезъ церковь съ
небомъ.

МАНФРЕДЪ.

Я выслушалъ; вотъ мой отвѣтъ: чѣмъ
былъ я,

Что я теперь — известно только мнѣ
Да небу; — межъ людьми искать не стану

Посредника себѣ; а если погрѣшилъ

Противъ уставовъ вашихъ, — докажите

И накажите...

АББАТЪ.

Сынъ мой! говорилъ

Я не о казни, а о покаяннѣ

И о прощеніи: въ первомъ властенъ ты;

Въ послѣднемъ же уставами святыми

И второй твердою дана мнѣ власть
Путь пролагать изъ пропасти грѣховной
Наверхъ надеждъ и помысловъ святыхъ.
Оставимъ небу власть наказывать: «мнѣ
только
Довлестъ судъ», такъ говоритъ Господь.
И я слуга его, со всемъ смиреньемъ,
Держу глаголь священный повторить.

МАКОРЕДЪ.

Нѣтъ, мой отецъ, ни власть особъ духов-
ныхъ,

Ни мощь молитвъ, ни сила покаянья,
Ни строгіе обряды, ни посты,
Ни муки смертныя, ни то, что силой
Все превзойдетъ — терзанія души,
Въ отчаяніи глубокомъ угрызенія,
Которыя безъ страха адскихъ мукъ
Способны сами сдѣлать небо адомъ,—
Ничто не можетъ безпредѣльный духъ
Освободить отъ пагубнаго чувства
Своихъ грѣховъ ужасныхъ, тяжкихъ мукъ
И мести самому себѣ. Въ грядущемъ
Мученья нѣтъ, которое могло бы
Карать сильнѣй преступника, чѣмъ это,—
Казнь грѣшника, надъ собственной душой,
Самимъ имъ осужденной.

АББАТЬ.

Это такъ;

Но все пройдетъ и замѣнится светлой
Надеждою, которая воззрѣтъ
Въ спокойномъ упованіи на мѣсто
Блаженное, куда достигнуть все,
Кто будетъ лишь искать его, какіе бѣ
Грѣхи земные ни были, пусть только
Заглядятся они, а первый шагъ
Къ тому, чтобъ ихъ заглядить — есть со-
знание,

Что нужно это сдѣлать; — говори
И все, чему наставить можетъ церковь
Узнаешь ты; и все, что разрѣшать
Намъ власть дана, все разрѣшимъ про-
ценьемъ.

МАКОРЕДЪ.

Когда готовъ былъ римскій императоръ,
Шестой, проститься съ жизнью,—жертва
раны,

Которую онъ самъ себѣ нанесъ,
Чтобы спастись позорной смерти, дара
Сенаторовъ, — сперва его рабовъ, —
Однѣмъ солдатъ, въ движеніи благород-
номъ

Участія, хотѣлъ оставитьъ

Осидою своей стремленье крови;
Но, оттолкнувъ его, Оттовъ сказалъ,
Съ величьемъ царственнымъ и въ поту-
хавшемъ взорѣ:
«Ужъ поздно! это ль вѣрность?»

АББАТЬ.

Въ чемъ же дѣло?

МАКОРЕДЪ.

И я скажу тебѣ съ владыкой Рима:
Ужъ поздно!

АББАТЬ.

Нѣтъ, не поздно никогда
Съ своей душой мириться, а чрезъ душу
И съ небомъ. Какъ, надежды никакой?
Дивлюсь; но даже тотъ, въ чью душу
вкралось
Отчаянье въ прощеніе небесъ,
Здѣсь на землѣ себѣ утѣхи стронуть,
За ложную опору ухватясь,
Какъ утопающій.

МАКОРЕДЪ.

Отецъ! земныя,

Блестящія видѣнья я и самъ
Имѣлъ, когда былъ молодъ; я былъ по-
ловъ
Стремленьемъ благороднымъ перелить
Свой духъ въ другихъ и просвѣщать на-
роды;

Вместенъ хотѣлъ, не зная самъ куда,
Быть можетъ, чтобъ упасть; но я упалъ
бы,
Какъ водопадъ нагорный: соскочивъ
Въ глубь пропасти съ высокаго утеса,
Онъ пѣвась, шлетъ туманные столбы
На небеса и тамъ рождая тучи,
Дождемъ опять съ нихъ сыплетъ; онъ ве-
ликтъ

И тамъ, гдѣ палъ... Но все прошло; об-
мануть

Я былъ мечтой...

АББАТЬ.

Но почему же такъ?

МАКОРЕДЪ.

И укротить не могъ своей природы;
Кто властвовать стремится, долженъ
самъ

Сперва служить, и льстить, и увиваться,
Ловить минуты все; вползати во все мѣ-
ста;

Живою ложью быть, чтобъ надъ толпою
Потомъ взвестись. Такъ поступаютъ все.
Я низостью считалъ мѣшаться въ стадо,

Хоть для того, чтобъ быть вождемъ вол-
ковъ.
Левъ одинокъ, я — тоже.

АББАТЬ.

Но за чѣмъ же

Жить не хотѣлъ ты, дѣйствовать съ людь-
ми?

МАНФРЕДЪ.

Противна жизнь была моей природѣ;
Но не былъ я жестокъ; я не рождалъ,
А находилъ вездѣ опустошенье;
Какъ вѣчно одинокой, страшный вихрь,
Каленое дыханіе самума,
Который лишь съ пустынями звукомъ,
Бушуетъ надъ безплодными песками,
Гдѣ нечего палить ему; летить,
Игралъ съ ихъ сыпучими волнами;
Не ищетъ самъ, не ищутъ и его;
Но встрѣча съ нимъ смертельна. Вотъ та-

ковъ

Былъ на землѣ и мой путь; тамъ встрѣ-
чались

Мнѣ существа, которыхъ нѣтъ теперь.

АББАТЬ.

Увы! я самъ бояться начинаю;
Что пособить тебѣ ни я не въ силахъ,
Ни званіе мое; но ты такъ молодъ
И мнѣ хотѣлось бы...

МАНФРЕДЪ.

Вглядись въ меня:

Есть на землѣ разрядъ людей, къ кото-
рымъ

Приходитъ старость въ юности, и смерть
До зрѣлыхъ лѣтъ, но не на полѣ брани.
Кто гибаетъ отъ излишка удовольствій,
Кто отъ трудовъ, кто отъ ученья, кто
Отъ слабости, болѣзни или безжизня;
Иному смерть злѣетъ въ безднѣ мукъ
Увядшаго, растерзаннаго сердца;
У этого недуга больше жертвъ,
Чѣмъ ва листахъ судебъ: онъ въ разныхъ
видахъ,

Подъ разными названьями мертвить.
Вглядись въ меня! я перенесъ все это;
Вся мука, хоть довольно и одной.
Такъ не дивись тому, чѣмъ сдѣлался те-

перь;

Дивись тому, чѣмъ былъ я, и притомъ
Остался живъ...

АББАТЬ.

Но выслушай.

МАНФРЕДЪ.

О, старецъ!

Я чту лѣта твои и самъ; я знаю,
Ты съ цѣлюю благочестивой здѣсь;
Но тщетно все. . . . .
. . . . . прости!

(Уходитъ).

АББАТЬ.

Онъ долженъ бы прекраснымъ
Созданьемъ быть: съ могучею душой
Онъ могъ явить изящное слаганье
Возвышенныхъ стихій, когда бъ онъ
Приличье размѣрены въ немъ были;
Теперь онъ страшный хаосъ — свѣтъ и
мракъ,
И духъ и прахъ; смѣсь благородныхъ мы-
слей
И злыхъ страстей, безъ всякаго порядка,
Безъ цѣли; въ немъ все стибло или спитъ;
Погибнетъ онъ; но нѣтъ — я попытаюсь
Еще разъ; искупленья духъ такой
Достоинъ; мнѣ же долгъ велитъ на все
Рѣшиться для благочестивой цѣли.
Не перестану наблюдать за нимъ
Внимательнымъ и осторожнымъ взоромъ.

(Уходитъ).

=

СЦЕНА II.

Другая комната.

Манфредъ и Германъ.

ГЕРМАНЪ.

Ты, господишь, явись ли мнѣ вельшь
При захожденн солнца; за горами
Оно скрываться стало.

МАНФРЕДЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Сейчасъ взгляну...

(Подходить къ окну)

Величественный шаръ!

Кумиръ природы юной и могучей
Породы небогзненныхъ людей,
Сыновъ-гигантовъ брака свѣтлыхъ духовъ
Съ подругами, прелестнѣй ихъ самихъ,
Которы и ангеловъ небесныхъ
Къ землѣ невозвратно привлекли;
Чудесный шаръ! шаръ слышнй бже-
ствомъ,

ствомъ,

Пока еще творенья твоего

Была сокрыта тайна; вечный, первый
Служитель Всемогущаго, ты лиль
На пастырей халдейскихъ свѣтъ отрады,
Когда они на горныхъ высотахъ
Сердца свои въ молельи пзляли.
Ты—богъ стихій; блестящій представи-
тель

Безвѣстнаго, который намъ въ тебѣ
Являетъ тѣвѣ свою; цвѣтъ звѣздъ небес-
ныхъ!

Глава свѣтила! который сдѣлать могъ
И нашу землю сносною; причива
Различн и вида, и сердце
Тѣхъ, на кого лучи твои сияють.
Царь времени! монархъ всѣхъ странъ
земныхъ

И тѣхъ, кто въ нихъ живеть; далеко ль,
близко ль

Мы отъ тебя, а намъ врожденный духъ
Печать твою пріемлетъ, точно также,
Какъ вѣтшій видъ нашъ. Въ слабѣ ты
встаешь,

Блнстаешь и скрываешься. Прости!
Тебя ужъ не увижу я; мой первый
Любви и удивленья взглядъ былъ твой;
Прими жъ и мой послѣдній; ты не встрѣ-
тишь

Лучемъ своимъ того, кому дары
И теплоты, и жизни были бъ столько
Губительны, какъ мнѣ. Оно зашло —
Послѣдую за нимъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Терраса предъ башнею, въ некоторомъ расто-
яніи отъ замка Манфреда. Сумерки.

Германъ, Мануиль и другіе служители Ман-
фреда.

германъ.

Престранно; ночь за ночью, сколько лѣтъ
Проводить онъ безъ сна, все въ этой
башнѣ

И безъ свидѣтелей. Я былъ внутри,
Бывали тамъ и всѣ мы; но по виду
И по тому, что тамъ, мы не могли
Никакъ понять въ какихъ занятяхъ ере-
мя

Проводить онъ. Нѣтъ, комната одна

Должна быть тамъ, куда никто не вхо-
дитъ;
Я отдалъ бы, что получу въ три года,
Чтобъ только тайну эту разгадать.

мануиль.

Опасно былобъ это; будь доволенъ
И тѣмъ, что ты ужъ знаешь.

германъ.

Мануиль,

Ты старше и умнѣ — знаешь больше,
Ты долго въ замкѣ жилъ; вѣдь много лѣтъ?

мануиль.

Какъ графъ Манфредъ еще и не родился,
Отцу его служилъ я; на него
Онъ не похожъ нисколько.

германъ.

Сыновей

Такихъ не мало; но не сходство въ чемъ
же?

мануиль.

Я говорю не о чертахъ лица,
Но о душѣ и склонностяхъ. Покойный
Графъ Сигизмундъ былъ гордъ, по веселью,
добръ,

И хлѣбосоль, и воинъ; не возлея
Онъ съ книгами наединѣ, и ночь
Не бдѣнемъ какимъ-то мрачнымъ дѣ-
лалъ,

А свѣтлымъ промъ, веселѣе дня;
Не рыскалъ онъ въ дѣсахъ и по утесамъ,
Какъ волкъ и отъ людей, и ихъ забавъ
Не бѣгалъ.

германъ.

Что ни говори, а время
Веселое то было. О когда бъ
Оно сошло опять на эти стѣны;
А то оно забыло ихъ совсѣмъ.

мануиль.

Перемѣнитъ сперва владѣльца надо.
О, Германъ, много видѣть довелось
Мнѣ страшнаго здѣсь въ замкѣ.

германъ.

Разскажи

Мнѣ что нибудь, покуда мы на стражѣ.
Я слышалъ смутный твой разсказъ о чемъ-
то,
Что было здѣсь, въ той самой башнѣ.

мануиль.

Да!

Вотъ ночь была! я помню какъ смерка-
лось;

И вечеръ былъ такой же, какъ теперь,
То облако багряное, которыхъ

СЦЕНА IV.

Закрѣть теперь верхъ Игера, такъ точно
На немъ тогда лежало, я почти
Готовъ его счесть тѣмъ же самымъ. Вь-

теръ
Былъ душень, слабъ, и мѣсяцъ начиналъ
Сребритъ свѣга нагорные. Такъ точно
Какъ и теперь, былъ въ башнѣ графъ Ман-

фредъ;
Чѣмъ занятъ, мы не знали; съ нимъ же
былъ

Единственный товарищъ всѣхъ его
Прогулокъ и занятій; та, кого онъ
Изъ всѣхъ земныхъ существъ одну лю-

билъ,
Какъ по родству и долженъ былъ лю-

бить,
Астарта... Тсс! кто-то къ намъ идетъ.
(Входитъ Аббатъ).

АББАТЪ.

Гдѣ графъ?

ГЕРМАНЪ.

Тамъ, въ башнѣ.

АББАТЪ.

Мнѣ поговорить съ нимъ нужно.

МАНУЭЛЬ.

Нельзя; онъ занятъ тамъ, и мы не смѣемъ
Ему мѣшать.

АББАТЪ.

Я на себя беру

Вину, когда тутъ есть вина какая:
Я долженъ съ нимъ увидѣться.

ГЕРМАНЪ.

Ты видѣлъ

Его ужь въ этотъ вечеръ.

АББАТЪ.

Я тебѣ

Приказываю, Германъ, постучаться
И графу доложить, что я пришелъ.

ГЕРМАНЪ.

Не смѣю...

АББАТЪ.

Значитъ самъ итти я долженъ
Съ докладомъ о себѣ?

МАНУЭЛЬ.

Отецъ почтенный,

-Прошу тебѣ, постой!

АББАТЪ.

Зачѣмъ?

МАНУЭЛЬ.

Пойдемъ,

Я расскажу тебѣ все на свободѣ.

=

Внутренность башни.

МАНФРЕДЪ (одинъ).

Зажглися звезды и луна взошла
Надъ яркими снѣгами горъ; прекрасно!
Съ природой я сдружился; для меня
Знакомтѣй лицъ людскихъ ликъ чудный
ночи,

И подъ ея навѣсомъ звѣзднымъ я
Учился языку другаго свѣта
У темныхъ, неземныхъ ея красотъ.
Я помню, въ молодыхъ лѣтахъ, какъ
взднѣлъ

По свѣту я, — въ такую точно ночь
Я разъ стоялъ въ срединѣ Коллизея,
Въ святилищѣ остатковъ отъ чудеса
Величья Рима; вломя разбитыхъ арокъ
Деревья, колыхаясь, клали тѣнь,
На синій куполь полночи, и звезды
Сквозь трещины разваливъ лили свѣтъ;
Вдали за Тибромъ лаяли собаки,
А ближе раздавался вой совы
Изъ цезарскихъ палатъ; и пѣсни стра-
жей,

По временамъ до слуха доносился,
Подъ вѣтеркомъ прохладнымъ замирали.
За дрихлою оградой древнихъ стѣнъ
Печальные видѣлись кипарисы;
На край небесъ мой взоръ ихъ относилъ,
А между тѣмъ они росли на выстрѣль
Не больше, тамъ гдѣ Цезари живали
И стали жить почивныя птицы; — въ рошѣ,
Которая среди обломковъ стѣнъ
На царственныхъ дворахъ укоренилась.
Плющъ замвилъ вездѣ побѣдннй лавръ;
Въ блистательномъ величнн разваливъ
Стоялъ еще окровавленный циркъ;
А Цезарей и Августовъ палаты
Легли во прахъ смиренной головой.
И ты сіялъ тогда, блестящнй мѣсяцъ,
На это все. Твой томный, нежный свѣтъ
Смагчалъ собой упылую суровость
Картинъ разрушенья; наполнялъ
Какъ будто вновь столѣтнй промежутокъ,
Прекрасное храни во всей красѣ,
И дѣлая прекраснымъ и дурное.
Святилищемъ казалось мѣсто то
И сердце переполнилось безмолнымъ,
Благоговѣйнымъ чувствомъ къ тѣнямъ
тѣхъ,
Которыхъ скитать могучь и по кончинѣ,

А прахъ изъ урнъ законы намъ даетъ.
Такая ночь тогда была; мнѣ странно,
Что вспомнилъ я ее теперь, но такъ
Почти всегда бываетъ: наши мысли
Сильный парятъ въ тотъ мигъ, когда

Спокойствіемъ должны бы одѣваться.

АББАТЬ (входитъ.)

Вторично, графъ, осмѣлюсь я про-

сить

Прощенья, что тебя обезпокоилъ.
Но ревностью смиренною моею
Не оскорбись; и все дурное въ этомъ
Пусть на меня падетъ; а доброе
На голову твою. О, если бь могъ я
Сказать, что ина серапе; если бь тропуть
Я могъ его словами и мольбой
На правый путь тогда бы возвратилъ я
Духъ доблестный, заблудшій, но еще
Погибшій не совѣтъ!

МАНОРЕДЪ.

Не знаешь ты меня.

Мои часы исчислены, проступки
Записаны; ступай, или себя
Опасности подвергнешь; удались же.

АББАТЬ.

Не думаешь ли ты грозить мнѣ?

МАНОРЕДЪ.

Нѣтъ;

Сказалъ я только, что близка опасность,
Хотѣлъ тебя предостеречь.

АББАТЬ.

Какъ это?

МАНОРЕДЪ.

Смотри сюда: что видишь?

АББАТЬ.

Ничего.

МАНОРЕДЪ.

По пристальнѣй смотри, я говорю.
Теперь скажи: что видишь?

АББАТЬ.

То, чего бы

Я устрашиться могъ, — по не страшусь!
Я вижу, что туманный, страшный образъ
Тамъ, изъ земли встаетъ, какъ адскій

богъ;

Лице его сокрыто покрываломъ;
Онъ какъ бы тучей гнѣвною одѣтъ
И сталъ между тобой и мной; но только
Я не боюсь его.

МАНОРЕДЪ.

Тебѣ къ тому

Причины вѣтъ, тебѣ не повредитъ онъ.
Но видь его способенъ потрясти
Болезнию дряхлѣющіе члены;
Я говорю тебѣ, ступай.

АББАТЬ.

Не выду

Отсель, пока не поборюсь съ врагомъ.
За чѣмъ онъ здѣсь?

МАНОРЕДЪ.

Да, да, за чѣмъ онъ здѣсь?

Его не звалъ я; онъ пришелъ безъ зова.

АББАТЬ.

Увы! погибшій смертный! что за связь
Есть у тебя съ подобными гостями?
Я за тебя дрожу; зачѣмъ онъ смотритъ
Такъ на тебя? ты на него? раскрылъ онъ
Свое лицо; заклеймено чело
Ударомъ громовымъ; въ глазахъ свер-

каетъ

Безсмертіе геенны... Сгинь!

МАНОРЕДЪ.

Зачѣмъ

Явился ты?

ДУХЪ.

Ступай!

АББАТЬ.

Кто ты, безвѣстный?

Дай мнѣ отвѣтъ!

ДУХЪ.

Духъ смертнаго, который
Передъ тобой; пойдемъ, пора.

МАНОРЕДЪ.

О, я

На все готовъ, но отрицаю силу,
Которая зоветъ меня; скажи,
Кѣмъ посланъ ты?

ДУХЪ.

Ступай, узнаешь послѣ.

За мной; иди!

МАНОРЕДЪ.

Я самъ повелѣвалъ

Сильнѣйшими, чѣмъ ты, не разъ боролся
Съ владыками твоими; прочь отсель!

ДУХЪ.

Насталъ твой часъ; иди же, говорю я!

МАНОРЕДЪ.

Я зналъ и знаю, что мой часъ насталъ,
Но не за тѣмъ, чтобы тебѣ подобнымъ
Отдать мой духъ. Я умереть хочу
Однѣмъ, какъ жилъ. Прочь, сгинь!

ДУХЪ.

Такъ долженъ я

Позвать на помощь братьевъ; повитесь!

(Являются духи)

АББАТЪ.

Прочь, демоны, прочь говорю я вамъ!
У васъ нѣтъ власти тамъ, гдѣ есть
власть вѣры;

Клянусь васъ именемъ...

ДУХЪ.

Старикъ, мы знаемъ

Себя самихъ, права свои и санъ твой.
Не расточай безъ пользы словъ святыхъ,
Здѣсь все напрасно: онъ добыча наша;
Зову его еще: иди! иди!

МАНФРЕДЪ.

Смѣюсь надъ вами; хотѣ моя душа—
Я чувствую—готова прахъ свой сбросить;
Смѣюсь надъ вами! Не пойду отсюда
Пока во мнѣ земное есть дыханье,
Чтобы на васъ презрѣнемъ дышать;
Земная сила, чтобъ бороться даже
И съ духами. Хотите взять меня? —
Берите членъ за членомъ.

ДУХЪ.

Странный смертный!

И вотъ волшебникъ тотъ, который такъ
Старался въ мѣрѣ невидимый пропикнуть
И сталъ почти намъ равнымъ! Можно

ли

Любить такъ жизнь, ту жизнь, въ кото-
рой былъ

Ты обреченъ несчастью?

МАНФРЕДЪ.

Лжешь ты, демоны!

Последній часъ насталъ мой, знаю я,
И не хочу жить лишней ни минуты;
Борюсь я не со смертью, а съ тобою
И братьями твоими; власть свою
Купилъ я не сближенемъ рабскимъ съ

вами,

А вышею наукою, трудомъ,
Отважностью и бдѣемъ, силой духа
И знаньями отцевъ; въ то время, какъ
земля

Людей и духовъ видѣла ходящихъ
Другъ съ другомъ объ руку и не давала
Вамъ первенства. Самъ по себѣ я силенъ
И отвергаю, прогоняю васъ,
Съ презрѣнемъ, съ насмѣшкой!

ДУХЪ.

Но забылъ ты,

Что преступленья сдѣлали тебя...

МАНФРЕДЪ.

О, что они въ сравненіи съ тобой?
Проступками проступковъ не казнить
И большими злодѣями злодѣевъ.
Ступай въ свой адъ! Я чувствую, что ты
Безсилеиъ надо мной; я твердо знаю,
Что я твоимъ не буду. Что я сдѣлалъ—
То сдѣлано; такіа муки я
Ношу въ себѣ, которыхъ не усмишишь
Своими ты; безсмертная душа
Судья всѣхъ дѣлъ своихъ, и злыхъ, и
добрыхъ,

Начало и конецъ всѣхъ золъ,
И время ихъ, и мѣсто; въ ней есть чув-
ство,

Которое, вѣтъ праха, отъ другихъ
Предметовъ вѣщныхъ вовсе независитъ,—
Въ блаженство или страданіе она
Погружена отъ собственнаго знанья
Своихъ дѣяній прошлыхъ. Ты меня
Не искушалъ, да и не могъ, я не былъ
Игралищемъ твоимъ, а потому
Я не твоя добыча: буду

Мучителемъ своимъ и самъ. Прочь,
прочь,
Вы демоны презрѣнныя! прочь! смерти
Рука теперь на мнѣ—не ваша! прочь!...

(Духи исчезаютъ.)

АББАТЪ.

Какъ блѣденъ ты! какъ губы поспѣвали
И тяжело дыханье, а въ груди
Хрипящее. Пошли молитву къ небу!
О, помолись хоть мысленно, но такъ
Не умирай.

МАНФРЕДЪ.

Все кончено; взоръ тусклый

Тебя уже не видитъ; все кружится
И будто воздымается земля!
Дай руку мнѣ, прости!

АББАТЪ.

Онъ холодѣетъ

И сердце стынеть. О, прошу тебя,
Хотя одну молитву; что съ тобою?

(Умираетъ.)

Онъ мертвъ; духъ улетѣлъ—куда же?
Страшусь подумать! только улетѣлъ онъ.

№

1841

2.

ПАНТЕОНЪ
РУССКАГО
И
ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ.

Часть первая.